

Джолдасбекова Б.У.¹, Жаппаркулова К.Н.², Александрова О.И.³,

¹д. ф. н. профессор, ²PhD докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

³к. ф. н. доцент Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

ФИЛОСОФСКАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.К. ТОЛСТОГО

Философская и эстетическая модель мира А.К. Толстого включала в себя веру в параллельное существование мира реального и его законов, объяснимых с точки зрения логики и здравого смысла, и мира иррационального. Стихия и законы последнего лежат вне разумных начал человеческого понимания и объяснения и, тем не менее, способны активно вторгаться в мир людей, неся собой как позитивное, так и враждебное человеку начало. Без изучения этого аспекта мировоззрения писателя интерпретация его литературных текстов не может претендовать на корректность, убедительность и полное раскрытие авторского замысла.

Ключевые слова: религиозный идеализм, художественное воплощение, литературный текст, модель мира, рациональный мир, иррациональный мир, интерпретация, художественное творчество, авторская идея, вымысел, философское и эстетическое мировоззрение.

Zholdasbekova B.U.¹, Zhapparkulova K.N.², Alexandrova O.I.³,

¹Doctor of Philological Sciences, Professor,

²doctoral student of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

³Candidate of Philology Sciences, A/Professor of Peoples Friendship University of Russian, Russia, Moscow, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

Philosophical and aesthetic model of the world in the literary works of A.K. Tolstoy

Philosophical and aesthetic model of the world by A.K. Tolstoy includes the belief in both existence of the real world related common sense and irrational world rejected common logic approach. According writer's view, the irrational world is out of reasonable human understanding and nevertheless is capable to interfere in the real world. The influence of the irrational world on people life may be positive and very harmful at the same time. This research trend of art creativity A.K. Tolstoy supports properly interpretation of the main author fiction idea and represents philosophical and esthetic outlook of the writer.

Key words: religious idealism, art embodiment, literacy topic, world model, real world, irrational world, interpretation, art creativity, author idea, fiction, philosophical and esthetic outlook.

Жолдасбекова Б.Ө.¹, Жаппарқұлова Қ.Н.², Александрова О.И.³,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ¹профессоры, ф. ф. д.,

²PhD докторанты, Қазақстан, Алматы қ.,

³Ресей халықтар достығы университетінің доценті, ф. ф. к., Ресей, Мәскеу қ., e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

А. К. Толстойдың әдеби шығармаларындағы әлемнің философиялық және эстетикалық моделі

А.К. Толстойдың философиялық және эстетикалық моделі логика мен ақыл-ой және иррационалды әлем тұрғысынан түсіндірілетін нақты және оның заңдары әлемнің параллель өмір

сүруіне деген сенімін қамтыды. Соңғы аяттар мен заңдар адам түсініктері мен түсіндірмелерінің ақылға қонымды бастауларынан тыс жатыр, дегенмен, адамдар әлеміне белсенді түрде басып кіруге қабілетті, оң да, дұшпандық да басы жоқ. Жазушының дүниетанымының осы аспектісін зерттемей, оның әдеби мәтіндерін интерпретациялау авторлық ойдың дұрыс, сенімді және толық ашылуын талап ете алмайды.

Түйін сөздер: діни идеализм, көркем көрініс, әдеби мәтін, әлем үлгісі, ұтымды әлем, иррационалдық әлем, интерпретация, көркем шығармашылық, авторлық идея, ой, философиялық және эстетикалық дүниетаным.

Введение

Мир иррационального в художественном творчестве А.К. Толстого не только существует параллельно с миром реальным и объяснимым с точки зрения логики, но и активно защищает свои границы. Поэтому за недозволённые попытки заглянуть или проникнуть в него героев, как это происходит фантастической повести «Упырь» их ждёт неизбежная расплата. Один из персонажей Антонио получает за это желание смерть, а другой – Рыбаренко переживает сначала сумасшествие, а потом также обретает вечность в виде смерти.

Религиозный идеализм, который стал основанием для философской и эстетической модели мира, которую выстроил писатель, допускал существование добрых и позитивных для человека сил. Но с другой стороны, вовсе не отменял существования мира демонов, активно враждебных человеческому существованию. Светлые силы добра не одерживают в повести А.К. Толстого безусловную победу над демонической стихией разрушения, но тем не менее это история торжества человечности, добра, гуманности и наказания зла и несправедливости.

Идеализм и мистицизм писателя сохраняет свою актуальность и востребованность и в других произведениях.

Он характерен балладам и лирическим стихотворениям А.К. Толстого.

Мир иррационального присутствует в романе «Князь Серебряный» наряду с миром реально-бытовым. Всё это отвечало как мистицизму и идеализму самого А.К. Толстого, так и модным философским веяниям его эпохи. Поэтому без изучения этих аспектов мировоззрения писателя интерпретация его литературных текстов не может претендовать на корректность и убедительность.

Мифологические существа в художественном мире писателя вызывают к себе страх, почитание, а иногда над ними могут даже подшучивать, как княжна Мстиславская и

князь Шаховской в трагедии «Царь Фёдор Иоаннович».

Княжна: А я в Москву-реку прыгнула бы?

Шаховской: А я бы за тобой!

Княжна: А водяной бы за меня вступился?

Шаховской: А я б его за бороду схватил

Да за усы моржовые! (Tolstoy, 19691: 42)

Но в существовании Жар-птицы, домового, леших, бабы-Яги, Змея Горыновича, Соловья-разбойника, русалок, птицы Естрафиль и Кикиморы никто из героев А.К. Толстого не сомневается.

Мифологические мотивы выступают в функции опозитивированной надежды народа на возможные изменения его жизни к лучшему. Целебными свойствами и сакральным значением обладает в романе «Князь Серебряный» Алатырь-камень и Индра-зверь. В романе возникает мифологизированный образ единорога по имени Индра или Индрик-зверя. Этот образ в западноевропейских сказаниях является символом гармонии и чистоты и внешне выступает в роли райского белоснежного животного необыкновенной красоты.

В «Князе Серебряном» Индрик-зверь завораживает читателя, а образ Елены Морозовой соотносится с образом русалки, хотя писатель напрямую не соотносит свою героиню с существом мира иррационального. Но читателю намерено предлагается множество соответствий, и перед чудесной красотой Елены не могут устоять ни Морозов, ни Вяземский, ни Серебряный.

Но необыкновенная красота Елены также губительна для всех, кто хочет полюбить ее, как и магическая притягательность русалок, также несущих с собой гибель тем, кто встречается на их пути. В творчестве А.К. Толстого есть персонажи, которые стоят на грани мира реального и ирреального. Все они обладают какими-либо сверхъестественными способностями, и поэтому могут удержаться на зыбкой грани между этим и «тем» миром. Это скоморохи, юродивые,

волхвы, колдуны, травники, которые выступают как хранители особого сакрального знания.

Эти персонажи обладают узнаваемыми человеческими чертами, но наполнены мифологическим колоритом. В стихотворении А.К. Толстого «Пантелей-целитель» 1866 года интересен образ ведуна-зеленщика. В народном сознании Пантелей-это усеченное от Пантелеимон. Так звали целителя и великомучителя, день святой памяти которого приходится в Святках на 9 августа.

У А.К. Толстого причудливо переплетаются исторические сведения и фольклорные элементы: «Над зверями зверь, и он ходит, зверь по подземелью, яко солнышко по поднебесью; он копает рогом сыру мать-землю \sphericalangle дает людям питайница, питайница, обмывайница» (Tolstoy, 19691: 97).

В реальности святой Пантелеимон жил в IV веке в вифанском городе Никомидия – одном из древних городов на берегу Мраморного моря. Имя Пантелеимон обозначает «во всем лев», так как отец полагал, что сын своим мужеством будет подобен льву» (Fedotov, 1990:27).

У Толстого Пантелей именуется «государем», что указывает на его главенствующую роль в семейно-родовой общине. Его патриархальная община – это растения. Однако «как святой великомученик и целитель он вошел в историю под именем «Пантелеимон», что означает «всемиловитый» (Fedotov, 1990: 37).

Святой Пантелеимон посвятил свою жизнь больным, страждущим и нищим. Он безвозмездно лечил всех обращавшихся к нему. Житие повествует, как по велению императора великомученика Пантелеимона бросили на растерзание диким зверям в цирке. Но звери лизали его ноги и отталкивали друг друга, стараясь коснуться руки святого. Один из воинов ударил его мечом, но меч сделался мягким, как воск, и не нанес никакой раны. Когда мученику отсекали голову, из раны полилось молоко, а маслина, к которой он был привязан, в момент смерти покрылась плодами.

Почитание святого Пантелеимона в русской православной церкви известно с XII века. Князь Изяслав, в крещении Пантелеймон, сын Мстислава Великого, имел изображение мученика на своем шлеме. Считается, что благодаря заступничеству этого святого Мстислав остался жив в войну 1151 года. Святые мощи Пантелеимона разошлись по всему христианскому миру. Его глава хранится в Русском Афонском Свято-Пантелеимоновском монастыре» (Panteleimon, 2003: 97).

Устная фольклорная традиция хранит обычай мерить рост травы параметрами человека. Этот процесс отражения антропоморфности можно найти в таких устойчивых выражениях как «трава в рост человека», «ростом в локоть», «в четверть», «в пядень», «трава в рост человека». Подобные выражения закрепились во все возможных лечебниках и травниках.

Растительный мир персонифицируется у А.К. Толстого, и «поэтому травы перед Пантелеем расступаются, а цветы «ему все поклоняются», «добрые травы он приветствует, а худым грозит суковатой палкой». Пантелей – государь ходит по полю, и цветы и травы ему по поясу» (Tolstoy, 19691: 97).

Пантелей обладает скрытым знанием, которое недоступно обычным людям, не прошедшим сакральное «посвящение». Пантелей и государь, и ведун, то есть воплощают в себе грани миров национального и иррационального.

В фольклорной традиции сбор лекарственных трав употребляется священному обряду, проходить который нужно с чистым сердцем, более того, сам процесс собирания сопряжен с целой серией специальных обрядовых действий. Определенную траву надо собирать при определенных обстоятельствах, часто соразмерно с фазой луны и только в определенное время суток.

«По листочку с благих собирает он. И мешок ими свой наполняет он». Собираение лекарственных трав сопровождалось и магией вербальной. Об этом факте есть замечание В. Федоровой: «Для традиции жанра характерна сакрализация времени. Слово произносится на каком-то определенном временном переломе: на восходе месяца, на утренней заре» (Krupin, 2008: 103).

В образе Пантелеимона смешиваются христианская и языческая традиции. Поэтому возникает синонимичный ряд слов из разных сфер духовного и религиозного сознания: «трава-отвар-зелье-елей».

Фольклорная традиция сменяется в стихотворении А.К. Толстого житийными элементами с рассказом о святом Пантелеимоне, которые соотносятся с канонической молитвой, используемой верующими при обращении за помощью к святому:

«И на хворую братию бедную
Из них зелье варит целебное».

Согласно житию, искусству врачевания будущий целитель обучался у Ефросина, знаменитого врача, современника Пантелеймона, живущего в III веке в Никодимии при императоре Максимилиане. Вместе с тем, по церковному

преданию, врачебное искусство Пантелеймона от самого Бога.

Для обращения к целителю есть несколько персональных молитв, где традиционно используется звательный падеж: «О, великий угодниче Христов, страсотерпче и врачу многомилостивый Пантелеймоне» (Fedorov, 2003: 97).

Образ Пантелеимона широко используется в народных заговорах, что указывает на сохранение памяти о нем фольклорной традиции. Следы образа Пантелеимона можно найти в чертах языческого божества Полеконы, который сохранился в украинской мифологии. Образ Пантелеимона-целителя прочно закрепился не только в фольклорной традиции, но и в иконографии. Поэтому на православных иконах он обычно изображается с ложечкой для травяных отваров, способных исцелить нуждающихся.

Народная медицина уделяла целебным травам, огромное внимание и предлагала множество способов их применения. «Травы можно было носить при себе в виде венка или ожерелья, натираться ими, использовать для веника в бане. Но самый распространённый способ извлечения целебных свойств из растения – это отвар. Предписывалось их принимать «по утрам и на тощце сердце», а также «нахлебаться гораздо не пооднажды». Случались и более точные указания насчет дозы и продолжительности приема лекарственного средства: «... а пить по чарки по утру и по вечеру, по три дня» (Putilov, 2003: 47).

Мифологические представления славян, как и у других народов, включали в себя веру в то, что каждое растение играет свою роль в исцелении и восстановлении человека, который подвергся воздействию враждебных темных сил, несущих ему бедствия и смерть.

Древние люди верили, что с помощью целебных трав, наделенных в их сознании чудодейственной силой, можно в определенный сакральный период воскресить умершего. Этими способностями также обладает целитель Пантелей. Верующие обращались к святому Пантелеимону за исцелением не только физических, но и душевных недугов. Отсюда он выступает не только, как целитель человеческой плоти, но и духа, что еще более возвышает и обожествляет его образ.

Молитва, обращенная к этому великомученику, содержит характерные слова: «молитвами твоими душевныя наши недуга исцели». Известно, что «в церковной обрядности таинство елеосвящения соединяется с таинством покаяния и сопровождается разрешением грехов. В резуль-

тате исцеление немощи душевной служит предпосылкой к излечению телесных недугов. На Руси при елеосвящении призывался в особенную молитвенную помощь именно святой великомученик и целитель Пантелеймон» (Alpatov, 2005: 41).

Для средневекового славянина из простой крестьянской среды образ Пантелея-целителя органично входил в мир его представлений и верований. Вера в неограниченность его сверхъестественных способностей была безусловной и ни с какой стороны не подвергалась сомнению.

Среди персонажей, которые стоят на зыбкой грани мира реально-предметного и inferнального, необходимо особо остановиться на образе юродивого из романа «Князь Серебряный».

Юродивость как миропонятие имеет свои корни в театрально-обрядовой традиции и основных положениях христианской доктрины.

Эпатаж и склонность к аффектации являются отличительной манерой презентации юродства.

В средневековом обществе, которое художественным способом воссоздает А.К. Толстой, юродивые публично обличают монашескую неискренность и тщеславие, подвергают критике церковную мораль, в том виде, в котором ее поддерживает государственная власть. Они открыто осмеливаются выявлять противоречия между здравым смыслом житейской жизни мирян и постулатами христианства, выдаваемыми за истинную правду. Юродивые служили утверждению духовной власти отдельной личности и посвящали свое слово служению миру и вере в победу духа над слабостью и низостью.

Самое понятие термина «юродивый» находится на тонкой грани комического и трагического. В греческом переводе слово «юродивый» соответствует определению простой или глупый. Угасание культа княжеской святости привело к расцвету юродства на Руси в XVI столетии, и исторические сведения оставили нам не менее десяти святых «юродивых», живших в XII-XIX веках (Alpatov, 2005: 61).

В основе юродства лежит амбивалентный принцип категориальной оценочной системы. В ней юродивые готовы принять на себя аскетическое самоунижение, но в тоже время являются способными на обличение юроков и «ругание миру». Отсюда «нищие духом» обретают «дух сильный», «балансируя между комическим и трагическим. Юродивый выступает в образе протестующего одиночки. «Юродивые всегда были склонны к аффектации, эпатажу, который

жития целомудренно прикрывают фразой: «похабся творя» (Putilov, 2003: 97).

В народном сознании они обладали даром пророчества, исцеляли недуги и обладали целым рядом других сверхъестественных способностей.

Самый известный юродивый на Руси – это Василий Блаженный, живший в Москве в период правления Ивана Грозного. Образ его харизматической личности затеняет большое перемешивание исторических небылиц и анахронизмов, в которых отразились многочисленные наслоения легенд и заимствования из греческого жития.

В романе А.К. Толстого внешнее описание юродивого не обнаруживает расхождения с фольклорными первоисточниками. «По улице шел человек лет сорока, в одной полотняной рубахе. На груди его звенели железные кресты и вериги, а в руках были деревянные четки. Бледное лицо его выражало необыкновенную доброту, на устах, осененных реденькою бородкой, играла улыбка, но глаза глядели мутно и неопределенно» (Alpatov, 2005: 103).

Но народные предания не отличаются сосредоточенностью на психологических деталях. Вся экстравагантность и особенность юродивого передается через связанный с ним эпатаж и наблюдение чудесных событий.

В романе А. К. Толстого очевидна тенденция к психологическому аспекту художественного описания: «В конце площади показался человек с реденькой бородкой, бледный, босой, в одной полотняной рубахе. Лицо его было необыкновенно кротко, а на устах играла странная, детски добродушная улыбка <...> Против обыкновения, судорога подергивала эти улыбающиеся уста, как будто с кротостью боролось другое, непривычное чувство». (Miller, 2005: 109).

Телесная нагота Василия выступает у писателя как выражение ничем не прикрытой «голой правды».

Именно этот мотив звучит в речи юродивого, которая обращена к Никите Серебряному: «У тебя там чисто, чисто, одна голая правда; мы с тобой оба юродивые...» (Miller, 2005: 207).

Весь мир Василий разделяет на два лагеря, на две различные морально-ценностные системы. В одном мире живут правдолюбцы, то есть «наши», и к этому миру он относит Серебряного и Морозова, а другой мир наполнен «не нашими», которые несут в него зло и ненависть.

В народной памяти Василий Блаженный остался провидцем. Когда он находится в учениках у сапожника, то горюет о скорой кончине купца, заказавшего сшить ему сапоги. Сбываются

предсказания юродивого и о грядущих пожарах в Москве и в Новгороде.

В романе А.К. Толстого юродивый не желает показать Никите Серебряному дорогу к дому Морозова, как будто имеет уверенность, что встреча князя с бывшей невестой станет роковой. Юродивый предвидит и скорую трагическую гибель Дружины Морозова. «Этот наш! Этот праведник! Только голова у него непоклонная! У, какая непоклонная! А скоро поклонится, скоро поклонится, да уж не поднимется!» (Miller, 2005: 135).

Художественный мотив предвидения отражается в раздумьях героя Толстого, князя Серебряного и усиливается смысловыми повторениями, способствуя напряженности и драматизму сюжетного действия. «Что хотел сказать мне блаженный? – думал он, потупя голову, – зачем не указал он мне дом Морозова, да еще прибавил, что не хочет посылать меня на недоброе дело?» (Miller, 2005: 220).

Многие истории о реальном Василии Блаженном полны домыслов и нелепостей при всей сакральности заложенного в них смысла. Народные предания утверждают, что на базаре он разбивал крынки с несвежим молоком, а в московских легендах Блаженный швыряет камни в дома добрых людей и целует домов «кошунув». Почему? До потому что у первых на воротах виснут бесы, а у вторых по углам плачут ангелы (Putilov, 2003: 190). Сохранилось также предание о том, что юродивый разбил чудотворный образ Божьей Матери у Варварских ворот. И сделал это не зря, потому что на доске под святым изображением бога Матери спрятались изображение черта.

Смысл предания в том, что блаженный Василий мог уверенно распознавать дьявола в любом облике и в любой ситуации.

Подобный мотив использован и А.К. Толстым, когда юродивый видит и разоблачает дьявола в облике самого Иоанна Грозного. «Смотрите! Смотрите» – заговорил он, – что это у него на лбу? Что это у тебя, Ивашко? У тебя рога на лбу: у тебя козлиные рога выросли! И голова-то твоя стала песья...» (Miller, 2005: 247).

Осуждение юродивого выражает суровое осуждение народа в целом как выразителя высшей божьей справедливости. Образ царя принимает черты злого демона, почти гротескного чудовища, с которым связано зло и несчастья на земле. Напряженность сюжетной коллизии еще более усиливается, когда царь заносит над юродивым копье, желая в гневе наказать его. В этот момент назревает открытое противостояние

царя и народной толпы. Иоанн отступает и не решается вступить в открытый конфликт, видя, что народ полон решительности защитить Василия. В ярости и чувствуя свое бессилие, Иоанн отъезжает, и жертвой его копья становится первый встречный.

Детская улыбка Василия Блаженного много раз сравнивается с детской улыбкой как символом невинности и непорочности. Но никакого социального протеста народные предания по своей сути не содержат. Царь-батюшка не может вступать в конфликт с провидцем, устами которого говорит с людьми Господь. Поэтому народная память всегда хранит идеализированный образ царя, который послушен богу и не имеет ничего общего с Антихристом.

Кроме того, реальный Василий Блаженный умер в середине XVI века и не стал свидетелем террора и казней, которые сопровождало введение Иваном VI опричнины. Все это позволяет создать, что реальный прототип и герой-юродивый в романе А.К. Толстого существенно различаются между собой.

В народном фольклоре образ Василия Блаженного лишен героического пафоса, и он не выступает как активный борец за справедливость. Воспоминания о нем отражают коллективную народную память.

В романе Толстого, напротив, юродивый обладает яркими индивидуальными психологиче-

скими особенностями и выступает как романтический бунтарь, бесстрашный и бескорыстный борец за справедливость.

Это позволяет сделать вывод о возможных потенциях фольклорных образов в их реализации конкретной авторской художественной задачи.

Заключение

Таким образом, религиозный идеализм, с точки зрения философского и эстетического мировоззрения А.К. Толстого, допускал параллельное существование добрых и благотворных для человека сил, но и не отрицал враждебные на него стихии как символ всего мрачного и злоеущего. Доброе начало прозе писателя не обладает безусловным доминированием на демоническими силами разрушения, но читатель становится при соприкосновении с образом Пантелеймона безусловным свидетелем торжества милосердия и сострадания, которые способны преодолеть злобу и душевную жестокость. Литературные тексты А.К. Толстого имеют существенную мифологическую составляющую, которая является одной из основ философской и эстетической модели художественного мира писателя и позволяет его адресату более глубоко понять своеобразие его индивидуальный повествовательный манеры.

Литература

- Толстой А.К. Собрание сочинений в 4-х томах. – М., 1969. – 530 с.
 Федотов Т.П. Святые Древней Руси. – Волга, 1990, №4. – С.123-135.
 Житие, страдания и полное описание чудес святого великомученика и целителя Пантелеймона. – М.: Трифонов – Печенгский монастырь, 2003. – 480 с.
 Крупин В.Н. Русские святые. – М., 2008. – 320 с.
 Федорова В.П. Человек и слово в заговорах. – М., 2003. – 288 с.
 Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.
 Алпатов С. Фольклор и литература // Литература. – 2000. – №19. – 48 с.
 Миллер В.Ф. Народный эпос и история. – М., 2005. – 391 с.

References

- Alpatov S. (2000) Folklori literature [Folklore and literature – Literature]. 2000, №19. 48 p.
 Miller V. F. (2005) Narodny epos i istoriya [Folk epic and history]. M., 2005. 391 p.
 Krupin V. N. (2008) Russkiesvyatye [Russian saints]. Moscow: 2008. 320 p.
 Putilov B. N. (2003) Folklor I narodnayakultura [Folklore and folk culture]. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies, 2003. 464 p.
 Fedorov V. P. (2003) Chelovek I slovo v zagovorax [Man and the word in the conspiracy]. M., 2003. 288 p.
 Fedotov T. P. (1990) SvyatyeDrevneyRusy [The Saints of Ancient Russia, the Volga]. 1990, №4. 123-135 p.
 The Life, suffering and a complete description of the miracles of the Holy great Martyr and healer Panteleimon. M: Trifonov-Pechengsky monastery, 2003, 480 p.
 Tolstoy A. K. (1969) Sobranye sochyneny [Collected works in 4 volumes]. Moscow, 1969. 530 p.